

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ

Д.Н. Бухаров

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.13

СУЩНОСТНЫЕ СВОЙСТВА И ПОТРЕБНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье предпринимается попытка ввести в современный дискурс о человеческой идентичности представление о наличии у человека возможности актуализировать духовную составляющую своей сущности и на этой основе обрести идентичность существа, не только налично данного, но и возможного. В статье формулируются свойства и потребности человека, не обусловленные его представленностью в качестве психофизиологического существа, сам факт существования которых, по мнению автора, является свидетельством присутствия у него возможностей, которые часто, к сожалению, оказываются неучтенными в ходе исследования человеческой идентичности.

Ключевые слова: философия, идентичность, сущность, экзистенция, человек, потребности, свойства, преемственность, ценность, духовность.

Для проблемы идентичности человека, получившей в последнее время особую популярность, свойственно то, что для ее решения, в основном, выдвигаются рекомендации постмодернистского характера. Данная тенденция обусловлена, по-видимому, тем, что постмодернистский дискурс проблемы идентичности рассматривается как находящийся на пике времени и потому способный отразить самые последние представления о человеке. В данной статье мы предпринимаем попытку выйти из-под влияния постмодернистских выкладок, посвященных проблеме человека, и обратиться за помощью к представлениям о человеке, сформулированным современной классикой — русской философией Серебряного века, некоторыми представителями советского периода русской философии, а также экзистенциальным и персоналистским направлениями философии. Задача, которую мы при этом ставим — на основе данных представлений выявить сущностные свойства и потребности человека. В этом контексте

идентичность человека может быть рассмотрена как результат раскрытия данных свойств и реализации данных потребностей. Тем самым мы предпринимаем попытку обратить внимание научной общественности на большой в плане изучения человеческой идентичности эвристический и спекулятивный потенциал, характерный для представлений данных школ философии о человеке.

Человек — существо трехмерное

Проблема сущности человека важна, прежде всего, тем, что благодаря ей становится понятным, какие возможности имеются у человека в деле его самопостроения. В философии данная проблема решалась по-разному, но чаще всего происходило это односторонне. Из сущности человека выделялся один из ее аспектов и затем через абсолютизацию выдавался за решение данной проблемы. Так, человек рассматривался и как носитель социальной

**Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам
Президента Российской Федерации (проект № МК-2493.2011.6
«Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы
преемственности ценностей»)**

функции, и как этап в процессе биологической эволюции, и как существо, полностью обусловленное половым влечением. Безусловно, данные теории схватывали немаловажные аспекты сущности человека, но вопрос в том, исчерпывалась ли она ими? Так, некоторые современные исследователи данной проблемы, к числу которых, в частности, относятся А.А. Гусейнов, С.А. Лебедев, Ф.В. Лазарев, Ю.М. Резник склоняются к тому, что сущность человека многомерна и многогранна.

Человек, по словам Н.А. Бердяева, отличается своим тройственным составом¹, включающим тело, душу и дух. Схожего мнения придерживается В. Франкл, отмечавший в составе человека также три уровня: телесный, психологический и ноологический (духовный)². Однако, по утверждению последнего, в наше время сложилась ситуация, когда из рассмотрения структуры человека выпало ноологическое измерение. В результате те проявления человеческого «Я», которые должны были рассматриваться через призму духовного, стали рассматриваться через призму психологического. В свою очередь это привело к тому, что человек стал рассматриваться как существо, совпадающее со своей жизнедеятельностью. Отсюда, основной вопрос, возникающий в связи с сущностью человека, — есть ли в его составе духовное измерение? Если есть, то человек, у которого этот уровень не задействован, не может считаться человеком в полной мере. Различные варианты ответа на данный вопрос определяют способность либо неспособность человека достигать своего «возможного» состояния.

Недостаточность рассмотрения человека в качестве существа двухмерного

Г. Марсель отмечает, что когда человек произносит «Я», обычно он имеет в виду себя, представленного в качестве эмпирического, лично существующего, природного существа. Это выглядит вполне естественным, поскольку изначально он и дан себе как раз в этом качестве — в качестве тела.

Тело есть носитель потенциала человека. Данный потенциал, взятый как совокупность физиоло-

гических и психологических данных человека есть не что иное, как олицетворение дионисического (Ф. Ницше), титанического (П. А. Флоренский) начала в человеке: «Титаническое — потенция всякой деятельности»³. Не будь этого потенциала и его носителя, в качестве которого выступает тело, по словам Э. Мунье, человеческий порыв был бы обречен на растворение в мечтаниях или тревоге. Представляя собой стихийное начало человека, этот потенциал характеризуется спонтанностью своего проявления — в нем нет того, что было бы способным придать его проявлениям осмысленный и закономерный порядок. В этом аспекте он выступает как проявление безличного материала, характеризуемого тремя основными свойствами⁴: 1) спонтанной тенденцией к дезинтеграции; 2) упорством бесформенности или косности (инерции); 3) несогласованностью, дисгармоничностью составных элементов. Проявлением данных свойств в человеке, по-видимому, является та множественность, что приписывается его «Я» современными исследователями идентичности человека. Так, Э. Мунье пишет, что когда человек пытается впервые постичь себя, он получает о себе неопределенные, меняющиеся образы, в которых циркулируют различные персонажи. В них он утопает, рассеивается и ускользает от себя⁵.

Объединение множества «Я-позиций», о которых пишет Е.О. Труфанова, в нечто увязанное есть стремление к единству многообразия, достичь которого благодаря только безличному материалу в силу присущих ему свойств оказывается невозможным. Так, человек, не пребывая в единстве, оказывается отражен в тысячах зеркал (М.К. Мамардашвили). Однако, В.И. Пузько отмечает, что установка только на множественность без связи с единством и конкретностью рассеивает все существующие представления человека и делает его бытие анонимным⁶. Из этого становится очевидной недостаточность, присущая рассмотрению человека как исчерпывающегося свойствами души (психики) и тела. Из данных свойств возможно вывести

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Ред. сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 32.

² Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 78.

³ Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 159.

⁴ Франкл С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 374.

⁵ Мунье Э. Манифест персонализма / пер. с фр.; вступ. ст. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. С. 302.

⁶ Пузько В.И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации // Философия и общество. 2007. № 4. С. 104.

только его поверхностное «Я», которое как раз и характеризуется тем, что тяготеет к дезинтеграции, бесформенности и дисгармонии. Поскольку вопрос об идентичности человека ставится нами как определение степени близости человека к осознанию им своего подлинного, глубинного «Я», становится очевидной необходимость обратиться к непосредственному рассмотрению данного «Я», проявления которого выступают как доказательство наличия в составе человека помимо указанных двух уровней еще и третьего уровня.

Сущностные свойства человека

Исходя из используемой нами методологии, опирающейся на теоретические построения вышеуказанных школ философии, следует, что любые попытки определить подлинное «Я» человека не способны дать сколько-нибудь значимого результата. Поскольку это «Я» живо и находится в постоянном становлении и изменении, ухватить его механически при помощи рассудка и на этой основе вывести понятие о нем невозможно. Оно есть то, что не поддается объективированию. Однако данное «Я» проявляет себя в человеке и делает это определенным образом, что делает возможным проведение его характеристики на основе того, чем оно себя «выдает». Подобно тому, как акциденции способны говорить о природе своей субстанции, так и данные проявления своим характером свидетельствуют о том, что они не выводимы из поверхностного «Я» человека, а своим источником имеют нечто более укорененное и глубокое. На основе данных проявлений попробуем дать характеристику тому «Я», которое выступает их источником. Данная характеристика в нашем исследовании одновременно будет выступать и как характеристика сущности человека, поскольку именно в наличии у него глубинного, подлинного «Я» нами и усматривается его сущность. Проявления данного «Я» обозначим как сущностные — выражающие суть, собственно, человеческого.

Прежде всего, рассмотрим комплекс сущностных свойств человека, выделяемый К. Ясперсом. Философ определяет подлинное «Я» как возможную экзистенцию и выделяет следующие ее особенности⁷. Во-первых, согласно ему, для человека характерна потребность в безусловном. Находясь

в границах наличного бытия, он ощущает свою зависимость от внешних стихийных сил. Отсюда, его существование в качестве налично данного существа постоянно чем-то обусловлено. Потребность в безусловном выражается в поиске того, что могло бы придать человеческому бытию устойчивый и независимый характер. Во-вторых, он стремится к единству, которое есть бытие и вечность. Человек выступает как нарушение всех правил наличного бытия. Представляя собой точку пересечения личности и вечности, он предпринимает попытку их в себе объединить — выразить одно через другое. Не вписываясь полностью в наличный мир и тем самым являясь своего рода «белой вороной» среди замкнутых, статичных предметов, среди них он чувствует себя неуютно и потерянно. В похожем духе рассуждает Н.А. Бердяев, отмечавший, что ощущения боли, ранености, разрыва и раздвоения, входящие в самоощущение и самосознание «Я», связано с тем, что «Я» выброшено в мир и вместе с тем принадлежит не только миру. Эта болезненность связана с мучительной «раздвоенностью» существования «Я» и желанием ее преодолеть. При этом, отмечает он, «Я» только и существует, поскольку оно себя преодолевает. В-третьих, для человека характерно сознание непостижимого воспоминания, будто он может вспомнить то, что созерцал до бытия мира. Несмотря на кажущуюся ограниченность собственного сознания и интеллекта, человеку присуще чувствовать себя более продвинутым существом, чем то, что он из себя представляет, способным помнить и знать такое, что лежит за рамками его непосредственного опыта, ключ к чему утерян, но может быть найден. По этому поводу еще Платон придерживался мысли, что человек от рождения уже все знает, только он все это забыл, поэтому его задача состоит в том, чтобы вспомнить. В-четвертых, у человека есть сознание бессмертия, представляющегося ему как путь непрерывного действия во времени. Ему свойственно осознавать себя способным продолжать свое существование за пределами временных рамок жизни, находить прибежище во времени. Из всех живых существ он единственный осознает свою конечность и при этом, по словам А.А. Гусейнова, способен рассматривать ее в перспективе бесконечности⁸.

Помимо вышеуказанных для человека характерны также и другие сущностные свойства.

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. С. 426-427.

⁸ Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Многомерный образ человека : на пути к созданию единой науки о человеке / под общ. ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 96.

В качестве одного из важнейших может быть выделена его способность к трансцендированию. Частично мы его уже касались при рассмотрении свойств, выделенных К. Ясперсом, однако сейчас остановимся на нем несколько подробнее.

Г.С. Киселев определяет трансцендирование как его выход на предел мира, осуществляемый вследствие волевого и интеллектуального усилия, характеризующегося максимальным напряжением, концентрацией мышления и интенсивностью восприятия⁹. По мнению Г. Марселя, в наличии возможности трансцендирования состоит источник напряжения между миром и тем, что его трансцендирует. Данное напряжение выступает как своего рода пружина человеческого существования, придающая ему динамику. К. Ясперс отмечает, что только перед лицом трансценденции человек способен обрести свое неverified подтверждение. В случае же отрицания им за собой данной возможности он оказывается обреченным на бесконечное недовольство собой. И даже более того, по замечанию Н.А. Бердяева, оставаясь «безвыходным» человек перестает существовать. Он становится полностью имманентным миру — смертельно имманентным¹⁰. В этом, по словам Н.А. Бердяева, состоит основная тайна «Я».

Следующей особенностью человека является то, что, по словам М.К. Мамардашвили, ему не задана никакая мера. С этой позицией полностью согласуется мнение Ж.-П. Сартра, утверждавшего, что человек есть бесконечно открытая потенциальность. Невозможность измерить человека свидетельствует о безмерности имеющихся у него возможностей, а это значит, что имеющиеся у него ресурсы не предопределены заранее. При этом очевидно, что как существо телесное и психическое человек поддается измерению. Возможно определить как его физиологические параметры, так и выявить особенности функционирования его психики. Отсюда: наличие у него свойства быть безмерным также может быть объяснено присутствием в его составе духовного измерения, меры для определения глубины которого нет. А если нет меры, значит, не существует и границ возможностям человека. Отсюда, вполне справедливо звучат слова А. Камю о том, что несмотря на то, что человек не может ничего, он тем не менее

способен на все¹¹. Причем ситуация с возможностями человека такова, что даже он сам до конца их не осознает. Он не распоряжается собой в полной мере — всегда остается нечто, лежащее за пределами его осознания.

Для человека характерна его принципиальная незавершенность и фрагментарность, выступающая как невозможность пребывать в состоянии законченного и совершенного существа. По словам П.С. Гуревича, сама человеческая природа представляет собой незавершенную возможность, которая проявляет себя в бесконечных вариациях специфического существования¹². Данная специфичность обусловлена наличием у человека такого сущностного свойства как способность свободно выбирать характер собственного существования. Отсюда, следующим сущностным его свойством является то, что на протяжении всей жизни он буквально вынужден выбирать: бытие человека есть бытие в ситуации, а ситуация предполагает варианты выхода из нее. Выбирая тот или иной выход, он тем самым выбирает возможность, оказывающую определенное влияние на его становление. Так, человек, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, буквально ежесекундно выбирает, кем ему быть в следующий миг. Несмотря на множество возможностей, которые, как правило, возникают перед ним в ситуации выбора, это множество все же может быть разделено на две основные группы. Первая группа ведет его за пределы наличной плоскости. Вторая — к его все большему в нее погружению. Подобное положение дел, по мнению М. Унамуно, свидетельствует о том, что жизнь не признает срединных позиций¹³. Человек так или иначе оказывается перед выбором «или-или». Пытаясь избежать подобной постановки вопроса и тем самым уклониться от выбора, человек, однако же, все равно реализует данное сущностное свойство, поскольку даже отказ от выбора — это уже выбор, хотя и не свободный. В этом случае, по словам А. Мацейны, он делает выбор, но ничего не осуществляет¹⁴.

¹¹ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 283.

¹² Гуревич П.С. Целостность человека как социальная проблема // Философия человека: Сборник научных трудов; науч. ред.: П.С. Гуревич, Н.К. Поздняков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 18-19.

¹³ Изотова И.С. Человек, Бог и религия в философской тавтологии Мигеля де Унамуно // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 148.

¹⁴ Мацейна А. Драма Иова / пер. с лит. Т. Ф. Корнеевой-Мацейны. СПб: Алетей, 2000. С. 162.

⁹ Киселев Г.С. По образу и подобию // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 6.

¹⁰ Извеков А.И. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации. СПб, 2008. С. 73.

Тот факт, что выбор, осуществляемый человеком свободно, непредсказуем, говорит о бесконечно огромном количестве различных значений, которые благодаря нему способен принимать человек. Он не может быть определен раз и навсегда — каждый раз, оказавшись в ситуации выбора, он выбирает себя заново. Здесь вполне справедливо звучат слова М.К. Мамардашвили о том, что человеческая сущность очень подвижна, неуловима и никогда не принимает окончательной формы¹⁵. Отсюда, следующее его свойство может быть сформулировано как параметральность — подобно параметру из математического уравнения он способен принимать абсолютно любые значения, в качестве которых, заметим, и выступает его идентичность.

Незавершенность, открытость человека как создания говорит о его неполноте, которую он ощущает как собственную ущербность и которую всеми силами стремится преодолеть, тем самым достигнув состояния полноты. К тому же он несамодостаточен: «Человек не может, как бы он того ни хотел, быть воистину самодостаточным или воистину дерзким. И если он таковым все же является, это значит, что он не желает «быть» в истинном смысле слова»¹⁶. Его несамодостаточность говорит о том, что для своего осуществления он нуждается во внешней поддержке и во внешних средствах, которые находит в разного рода привязанностях. Отсюда, следующая его особенность — склонность создавать привязанности, в качестве субъектов которых способны выступать как люди, так и вещи. Привязанности как связи с тем, что представляет для человека ценность, образуют его внутреннее содержание, благодаря которому удовлетворяется его стремление к содержательности. Человек остро нуждается в собственном положительном содержании. Если же оно в нем отсутствует, тогда, по словам Н.А. Бердяева, душа его, боясь пустоты, наполняется ложью, фикциями и призраками.

Еще одной значимой особенностью человека является то, что он расщеплен в глубине своей сущности. По словам К. Ясперса, как бы человек себя не мыслил, мысля, он противостоит самому себе и всему остальному. В этом заключается его трагический

конфликт с самим собой. Наличие данного конфликта, по словам Н.А. Бердяева, выражается в том, что человек представляет собой существо раздвоенное и ослабленное¹⁷. С этой точкой зрения согласуется позиция Э. Левинаса, отмечавшего, что «Я», прислушивающееся к своему внутреннему голосу и ужасающееся собственным глубинам, по отношению к себе есть иное¹⁸. К своему удивлению оно может заметить собственную догматичность и чуждость по отношению к самому себе. Подобная возможность основывается на том, что, согласно Г. Марселю, в самом человеке имеется интерсубъективное начало, выражающееся в его интимной связи с самим собой. В нем есть нечто внутреннее, способное предстать перед ним как «Ты». Отношения с этим внутренним «Ты» могут либо пребывать в состоянии общности, либо же такого рода интимность может отсутствовать. Ведь, согласно тому же Г. Марселю, не существует семейных или вообще человеческих связей, которые не могли бы быть узаны внутри той минимальной социальной ячейки, которую «Я» составляет с самим собой¹⁹. Заметим, однако, что несмотря на то, что можно говорить о возможности пребывания человека в состоянии общности с самим собой, четко выделить и обозначить составные части подобной общности не представляется возможным — «Я» буквально «спаяно» с самим собой²⁰.

Рассмотрев сущностные свойства человека, обратимся к рассмотрению его потребностей, которые так же как и свойства характеризуют его сущность. Прежде всего, выделим сущностное стремление человека «оформиться».

Сущностные потребности человека

Человек способен творить самого себя — оформлять тот материал, который изначально собой представляет, в нечто качественно новое. Так, по словам Ж.-П. Сартра, он создает свой облик, вне которого ничего нет²¹. В этом, собственно, и состоит

¹⁵ Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 67.

¹⁶ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 2000. С. 316.

¹⁷ Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 56.

¹⁸ Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб: Университетская книга, 2000. С. 76.

¹⁹ Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. С. 36.

²⁰ Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб: Университетская книга, 2000. С. 76.

²¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 333.

его задача — придать себе форму. Ее выполнение оказывается возможным в творчестве, которое есть завладение материалом, подчинение его творческой формирующей идее-цели-(энтелехии)²².

Творческий процесс такими философами как С.Л. Франк и Г. Марсель сравнивается с вынашиванием ребенка. Это сравнение, с одной стороны, обусловлено тем, что творчество имеет место не там, где мы что-то замысливаем и реализуем, а там, где нечто рождается помимо нашей воли. С другой стороны, — тем, что творчество есть то, чему творец отдает самого себя. Поскольку творческий процесс рассматривается нами как процесс оформления человеком себя, будет логичным предположить, что в качестве вынашиваемого младенца в данном случае выступает он сам, но уже не налично данный, а возможный.

Человек «возможный» — это образ человека, в данный момент не явленный, не видимый, скрытый за наличностью, но все же смутно угадываемый, или воображаемый (С. Кьеркегор). Это то «Я», которое, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, медленно и последовательно является человеку на протяжении всей его жизни. В этом отношении человек возможный — это человек «перспективный», человек далекого. Заметим, что, по словам М.К. Мамардашвили, именно такой человек по хорошему должен быть предметом исследования философии, а не человек с его естественно данными свойствами.

Идея о «возможном» человеке в философии тесно связана с концепцией, получившей название второго рождения человека. Суть этой концепции состоит в том, что человек, будучи рожденным как природное существо, еще не есть человек в полном смысле слова — он есть только предпосылка к человеку. Человеком он становится в результате приложения собственных усилий. Отсюда, период, предшествующий второму рождению человека, не зависимо от своей длительности может быть назван периодом его детства. Этот период характеризуется тем, что произносимое в этот период человеком «Я» является чистой абстракцией, не имеющей в себе никакого содержания. Подобное «Я» С.Л. Франком определяется как не-сущее, а только хотящее быть. В этом контексте вполне оправданным оказывается представление о человеческой жизни как о состоянии непрерывного, непреходя-

щего рождения человеком самого себя, благодаря которому, согласно М.К. Мамардашвили, о человеке невозможно судить как о имеющем определенный возраст²³. Особо отметим тот факт, что данный процесс постоянно возобновляется. Это значит, что для того, чтобы человек не утратил себя, ему приходится возрождаться вновь и вновь.

Непосредственная связь творческого процесса, в который оказывается вовлечен человек, и его возможного второго рождения прослеживается в том, что тогда как первое есть процесс оформления человека, второе есть процесс его формирования. И в том и в другом случае происходит его преобразование в нечто принципиально иное, чем его изначальная данность.

Следующая сущностная потребность человека может быть сформулирована как его желание выразить («обнаружить») себя вовне — суметь вынести «наружу» то, что есть у него внутри. С.Л. Франк отмечает, что наличие желания самовыражения является отличительной чертой всего живого и определяет его как желание выхода за пределы своего данного, замкнутого, статического, как начало осуществления человеком себя — «отпечатлевания» своего существа на внешнем материале²⁴. С его точкой зрения совпадает позиция М.К. Мамардашвили, отмечавшего, что невозможно отличить живое от мертвого снаружи. Сделать это возможным оказывается благодаря способности человека к самовыражению. Благодаря выражению становится возможным преодоление косности, присущей человеческому бытию как материи. В этом, по словам Э. Левинаса, и состоит жизнь выражения, а именно — в разрушении формы, в которой существующий, «представая в качестве темы, скрывает себя»²⁵. Здесь категория «форма» употребляется в значении, отличном от того, в котором мы ее употребляем, касаясь темы «оформления» человека. В данном случае она выступает не как то, что способно внести упорядоченность в его проявления, а как то, что собой заслоняет и сковывает его.

Потребность человека в самовыражении также может быть обозначена как его потребность в само-

²² Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 391.

²³ Мамардашвили М.К. Необходимость себя // Мамардашвили М.К. Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. С. 355.

²⁴ Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 385.

²⁵ Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.: СПб: Университетская книга, 2000. С. 100.

проявлении. Слово «проявление» очень удачно отражает суть имеющих в данном случае процессов, происходящих по направлению изнутри вовне и заключающихся в том, что образ человека должен именно «проявиться». Это в свою очередь говорит о том, что человек не способен создать свой «образ» «собственными руками» — механически составить его из неких составных частей (черт). Единственное, что он может сделать — это выявить и учесть условия своего «проявления», вытекающие из особенностей его сущности и оказывающие непосредственное влияние на его оформление в том или ином виде, в качестве которого выступает его идентичность. Заметим, однако, что современные концепции идентичности рассматривают ее как результат единственно усилий человека. Подобная позиция может быть обозначена как «самоупор вне выхождения из себя» (П.А. Флоренский). Тогда как очевидно, что многое в данном процессе не находится в полной зависимости от человека.

Благодаря способности человека к самовыражению для него становится возможным обретение его идентичности не путем отрицания (через «отличие от»), а путем утверждения собственной уникальности (через «различие среди»). По словам Х. Ортеги-и-Гассета, идя по пути отрицания, человек только и занят, что обороной и нападением. Рассматривая свое «Я» как нечто, что «того гляди уведут, как карманные часы», он оказывается в высшей степени ориентированным на других: «Самое малое, на что способен такой-то, это не быть эдаким. Но уберем эдакого — что останется?»²⁶. Совсем по-другому обстоит дело с идентичностью человека, когда он делает ставку на выявление собственной уникальности.

Следующая сущностная потребность человека состоит в его желании быть уникальным. Уникальность человека может быть определена как особая, индивидуально-партикуляристическая форма выражения, раскрытия человеком себя миру. Уникальность есть не что иное, как своеобразие человека: «Всякое «я» походит на всякое другое «я» потому, что оно есть «я», но оно есть «я» только потому, что оно не походит ни на какое другое «я»²⁷. Несмотря на то, что люди имеют друг с другом так много общего, что заключа-

ется в наличии характерной для них природы, раскрывается эта природа у каждого по-своему. Присутствие у человека качества уникальности позволяет произвести различие между ним и другими индивидами. Подобное различие является основанием для утверждения о том, что люди не являются взаимозаменяемыми — каждый из них представляет собой нечто в корне своем отличное от другого: «Каждый человек уникален и в своей сущности (Sosein), и в своем существовании (Dasein), поэтому он не может ни затеряться, ни быть подмененным»²⁸. В подобной незаменимости заключается суть уникальности человека.

Уникальность проявляется в осуществляемых человеком действиях, которые будучи проявлениями ни на что не похожей личности, сами являются ни на что не похожими и потому неповторимыми. В случае же, когда человек не совершает, а лишь воспроизводит чей-то чужой образ действия (стремится быть на кого-то похожим), он испытывает глубокую неудовлетворенность самим собой: «Напротив, тогда, когда я действую так, как другой действовал бы на моем месте, то есть как особенное проявление всеобщего, как единичный образец определенной универсалии, я испытываю чувство пустоты, неудовлетворенности, как бы находясь перед лицом того, что есть не более чем времяпрепровождение»²⁹. Действуя лишь как одно из проявлений всеобщего, человек тем самым отходит от своей уникальности и становится лишь одним из многих.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на представление о том, что проблема идентичности человека пришла на смену проблеме его сущности, благодаря фактам, рассмотренным выше, становится возможным утверждать, что имеет место не последовательное, а параллельное существование данных проблем. Человеческая идентичность укоренена в его сущности, выступающей в качестве источника имеющихся у него потенций, в зависимости от степени актуализации которых человек способен иметь тот или иной тип идентичности. Отсюда следует, что невозможно провести полноценное исследование идентичности человека без учета следующих его особенностей: 1) его представленностью не только телесной и психической компонентами своей сущ-

²⁶ Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо. М.: Грант, 2000. С. 91.

²⁷ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Ред. сост. Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 217.

²⁸ Франкл В. Воля к смыслу / пер. с англ. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 51-52.

²⁹ Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004. С. 185.

ности, но и ее духовной составляющей; 2) наличием у него определенных сущностных свойств, требующих учета в любых теоретических построениях, посвященных человеку. Во-вторых, человек способен выступать в двух ипостасях: либо как безличный «материал», приводимый в движение процессами, стихийно проходящими в его теле и психике, либо

как некто, способный направлять потенции, исходящие из данного «материала», в нужное ему русло, определяемое ценностно-смысловой парадигмой его сознания. В-третьих, у человека есть потребности, зачастую в процессе ведущейся им борьбы за существование не осознаваемые, но, несмотря на это, настойчиво требующие своей реализации.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н.А. Бердяев. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. 312 с.
3. Гуревич П.С. Целостность человека как социальная проблема / П.С. Гуревич // Философия человека: Сб. науч. тр.; науч. ред. П.С. Гуревич, Н.К. Поздняков. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 7-31.
4. Гусейнов А.А. Что же мы такое? / А.А. Гусейнов // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке; под общ. ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 87-103.
5. Извеков А.И. Проблема личности постмодерна: Кризис культурной идентификации / А.И. Извеков. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 245 с.
6. Изотова И.С. Человек, Бог и религия в философской танатологии Мигеля де Унамуно / И.С. Изотова // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 142-149.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / А. Камю // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 222-318.
8. Киселев Г.С. По образу и подобию / Г.С. Киселев // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 3-19.
9. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. М.; СПб: Университетская книга, 2000. 416 с.
10. Мамардашвили М.К. Необходимость себя / М.К. Мамардашвили // Лекции. Статьи. Философские заметки / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
11. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути / М.К. Мамардашвили. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 572 с.
12. Марсель Г. Опыт конкретной философии / Г. Марсель. М.: Республика, 2004. 224 с.
13. Мацейна А. Драма Иова / А. Мацейна; пер. с лит. Т.Ф. Корнеевой-Мацейнене. СПб: Алетейя, 2000. 316 с.
14. Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье; пер. с фр.; вступ. ст. И.С. Вдовиной. М.: Республика, 1999. 559 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь мир, 2000. 704 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Камень и небо / Х. Ортега-и-Гассет. М.: Грант, 2000. 288 с.
17. Пузько В.И. Кризис идентичности личности в условиях глобализации / В.И. Пузько // Философия и общество. 2007. № 4. С. 98-113.
18. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. С. 318-344.
19. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П.А. Флоренский. М.: АСТ, 2003. 640 с.
20. Флоренский П.А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П.А. Флоренский; сост., автор вступ. ст. С. Г. Антоненко, авторы вступ. ст. и коммент. С. М. Половинкин, игумен Андроник (Трубачев). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 568 с.
21. Франк С.Л. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / С.Л. Франк. М.: Московская школа политических исследований, 2001. 592 с.
22. Франкл В. Воля к смыслу / В. Франкл. М.: Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. 368 с.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka / N.A. Berdyaev. M.: Respublika, 1993. 383 s.
2. Berdyaev N.A. O cheloveke, ego svobode i dukhovnosti: Izbrannye trudy / N.A. Berdyaev. M.: Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy institut; Flinta, 1999. 312 s.
3. Gurevich P.S. Tselostnost' cheloveka kak sotsial'naya problema / P.S. Gurevich // *Filosofiya cheloveka*: Sb. nauch. tr.; nauch. red. P.S. Gurevich, N.K. Pozdnyakov. Omsk: Izd-vo OmGU, 2004. S. 7-31.
4. Guseynov A.A. Chto zhe my takoe? / A.A. Guseynov // *Mnogomernyy obraz cheloveka: na puti k sozdaniyu edinoy nauki o cheloveke*; pod obshch. red. B.G. Yudina. M.: Progress-Traditsiya, 2007. S. 87-103.
5. Izvekov A.I. Problema lichnosti postmoderna: Krizis kul'turnoy identifikatsii / A.I. Izvekov. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2008. 245 s.
6. Izotova I.S. Chelovek, Bog i religiya v filosofskoy tanatologii Migelya de Unamuno / I.S. Izotova // *Voprosy filosofii*. 2011. № 1. S. 142-149.
7. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde / A. Kamyu // *Sumerki bogov* / sost. i obshch. red. A.A. Yakovleva. M.: Politizdat, 1989. S. 222-318.
8. Kiselev G.S. Po obrazu i podobiyu / G.S. Kiselev // *Voprosy filosofii*. 2008. № 1. S. 3-19.
9. Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe / E. Levinas. M.; SPb: Universitetskaya kniga, 2000. 416 s.
10. Mamardashvili M.K. Neobkhodimost' sebya / M.K. Mamardashvili // *Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki*; pod obshch. red. Yu.P. Senokosova. M.: Labirint, 1996. 432 s.
11. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti / M.K. Mamardashvili. SPb: Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1997. 572 s.
12. Marsel' G. Opyt konkretnoy filosofii / G. Marsel'. M.: Respublika, 2004. 224 s.
13. Matseyna A. Drama Iova / A. Matseyna; per. s lit. T.F. Korneevoy-Matseynene. SPb: Aleteyya, 2000. 316 s.
14. Mun'e E. Manifest personalizma / E. Mun'e; per. s fr.; vstup. st. I.S. Vdovinoy. M.: Respublika, 1999. 559 s.
15. Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannye trudy / Kh. Ortega-i-Gasset; sost., predisl. i obshch. red. A.M. Rutkevicha. M.: Ves' mir, 2000. 704 s.
16. Ortega-i-Gasset Kh. Kamen' i nebo / Kh. Ortega-i-Gasset. M.: Grant, 2000. 288 s.
17. Puz'ko V.I. Krizis identichnosti lichnosti v usloviyakh globalizatsii / V.I. Puz'ko // *Filosofiya i obshchestvo*. 2007. № 4. S. 98-113.
18. Sartr Zh.P. Ekzistentsializm — eto gumanizm / Zh.P. Sartr // *Sumerki bogov* / sost. i obshch. red. A.A. Yakovleva. M.: Politizdat, 1989. S. 318-344.
19. Florenskiy P.A. Stolp i utverzhdenie istiny: Opyt pravoslavnoy teoditsei / P.A. Florenskiy. M.: AST, 2003. 640 s.
20. Florenskiy P.A. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoy antropoditsei) / P.A. Florenskiy; sost., avtor vstup. st. S.G. Antonenko, avtory vstup. st. i komment. S.M. Polovinkin, igumen Andronik (Trubachev). M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. 568 s.
21. Frank S.L. Neprochitannoe... Stat'i, pis'ma, vospominaniya / S.L. Frank. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2001. 592 s.
22. Frankl V. Volya k smyslu / V. Frankl. M.: Aprel'-Press, EKSMO-Press, 2000. 368 s.
23. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii : per. s nem. / K. Yaspers. 2-e izd. M.: Respublika, 1994. 527 s.